

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

УДК 347.963

DOI 10.17223/23088451/8/18

А.В. Агутин

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Рассматривается понятие прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. Определены и исследованы системообразующие признаки определения понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. Обращено внимание на место и роль прокурорской деятельности и цели в раскрытии системообразующих признаков понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. Раскрыт смысл специфичности прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности с учетом Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 г.

Ключевые слова: прокурорский надзор, расследование, преступления экстремистской направленности, системообразующие признаки, цели, стратегия, национальная безопасность.

В науке прокурорского надзора отсутствует определение понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. В настоящей статье мы устраним данный недостаток – разработаем и сформулируем авторское определение понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности [1, с. 354–364]. Под преступлениями экстремистской направленности в УК РФ будем понимать преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ (прим. 2 к ст. 282.1 УК РФ). Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 362 от 19 ноября 2009 г. «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности» (далее – Приказ Генпрокурора № 362) косвенно указывает на перечень преступлений, которые относятся к преступлениям экстремистской направленности. Так, согласно п. 2.1 Приказа Генпрокурора № 362 главное управление и управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в федеральных округах, прокуроры субъектов Российской Федерации, приравненные к ним транспортные прокуроры и прокуроры иных специализированных прокуратур обязаны незамедлительно сообщать в управление по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму специальным донесением о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 136, 148, 149, 212, 239, 278 – 280,

282 – 282.2, 357 УК РФ, а также ст.ст. 105, 111, 112, 115 – 117, 119, 141 – 142.1, 150, 213, 214, 243, 244, 281, 335, 336 УК РФ, если они совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении № 11 от 28 июня 2011 г. «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда № 11) не указывает на исчерпывающий перечень преступлений, относящихся к числу преступлений экстремистской направленности. В любом случае своеобразная дверь держится открытой между перечнем экстремистских преступлений, указанных в Приказе Генпрокурора № 362, и перечнем экстремистских преступлений, обозначенном в Постановлении Пленума Верховного Суда № 11. Так, согласно п. 2 указанного Постановления, Верховный Суд Российской Федерации, исходя из положений прим. 2 к ст. 282.1 УК РФ к числу преступлений экстремистской направленности относятся преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (например, ст.ст. 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ), а также иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ признаются обстоятельством,отягчающим наказание.

С учетом изложенного понимания преступлений экстремистской направленности перейдем к разработке понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. В качестве базового определения понятия прокурорского надзора выберем понятие прокурорского надзора за исполнением законов, которое предлагается в учебнике «Прокурорский надзор» под редакцией профессора Ю.Е. Винокурова. В одном из его многочисленных изданий под прокурорским надзором понимается «специфическая деятельность государственных федеральных органов прокуратуры, осуществляемая от имени Российской Федерации и состоящая в проверке точности соблюдения Конституции РФ и исполнения законов, действующих на её территории» [2, с. 9].

В приведенном определении понятия прокурорского надзора за исполнением законов частично в свернутом, а частично в развернутом виде содержится ряд системообразующих признаков. К их числу, прежде всего, следует отнести: во-первых, прокурорский надзор – специфическая деятельность государственных органов прокуратуры; во-вторых, указанная деятельность осуществляется от имени Российской Федерации; в-третьих, основной формой её проявления является проверка. Согласно анализируемому определению, понятия прокурорского надзора, сам прокурорский надзор состоит в проверке: а) точности соблюдения Конституции Российской Федерации и уголовно-процессуального законодательства в части соблюдения прав и свобод человека и гражданина; б) установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях; в) выполнения оперативно-розыскных мероприятий; г) проведения расследования, а также законности решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

Конкретизируем перечисленные признаки определения понятия прокурорского надзора применительно к признакам понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. При этом мы исходим из того, что они соотносятся между собой как целое к части. Сразу же отметим, что в объеме понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности не входит деятельность государственных органов прокуратуры, связанная с проверкой установленного порядка разрешения заявлений и сообщений и готовящихся преступлений. Оставшиеся же виды проверочной деятельности государственных органов прокуратуры взаимосвязаны и взаимообусловлены с надзорной деятельностью прокуроров при расследовании преступлений экстремистской направленности.

С учетом сказанного, автор настоящей статьи исходит из нижеследующего. Систообразующие признаки понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности могут быть представлены в следующем виде: во-первых, прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности – специфическая деятельность государственных органов прокуратуры; во-вторых, указанная деятельность осуществляется от имени Российской Федерации; в-третьих, основной формой её проявления является проверка: а) точности соблюдения Конституции Российской Федерации и уголовно-процессуального законодательства в части соблюдения прав и свобод человека и гражданина; б) проведения расследования, а также законности решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие; в-четвертых, целью прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

В представленном виде системообразующие признаки понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности позволяют нам сформулировать авторское определение понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности представляет собой осуществляемую от имени Российской Федерации специфическую деятельность государственных органов прокуратуры, состоящую в проверке точности соблюдения Конституции Российской Федерации и уголовно-процессуального законодательства в части соблюдения прав и свобод человека и гражданина, проведении расследования, законности решений и действий (бездействий) органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, имеющую своей целью обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Представленное определение понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности нуждается в дополнительном разъяснении его системообразующих признаков. На уровне целого некоторые из них неплохо раскрыты в учебной литературе по прокурорскому надзору. Так, в учебнике «Прокурорский надзор» акцентируется внимание

на понимание таких системообразующих признаков, как осуществление прокурорского надзора от имени Российской Федерации [3, с. 34]. Его смысл состоит в том, что прокуратура представляет и защищает общественные интересы в соответствии с интересами государства в целом. «Важность этого положения, – отмечают авторы учебника, – заключается в том, что прокурор, осуществляя надзор, представляет и защищает общественные интересы не от имени отдельных органов местного самоуправления, субъектов РФ или иной представительной, исполнительной или судебной власти, а в совокупности всех их, объединенных общей системой государства, приводя таким образом интересы отдельных органов, организаций, учреждений, должностных лиц или физических лиц в соответствие с интересами государства в целом» [3, с. 12]. В контексте прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности смысл осуществления прокурорского надзора от имени Российской Федерации не утрачивается.

Теперь перейдем к анализу понимания деятельности как системообразующего признака прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. Верное понимание прокурорского надзора посредством деятельности играет важную роль в объяснении и описании процессов, свойственных прокурорскому надзору за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. Сразу же отметим, что в юридической науке вопрос о рассмотрении прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности не поднимался.

Неподнятие вопроса о понимании прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности посредством деятельности дает нам основание обратиться к творческому методологическому наследию. В последнем понятие деятельности используется для универсальной характеристики человеческого мира. Методолог науки Э.Г. Юдин писал: «...в современном познании, особенно в гуманитарном, понятие деятельности играет ключевую, методологически центральную роль, поскольку с его помощью дается универсальная характеристика человеческого мира» [4, с. 272].

Деятельность является одним из универсальных способов [5, с. 23] бытия (жизни) человека. В нашем случае речь идет о деятельности как одном из способов универсальной характеристики бытия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. Надо обратить внимание на то, что прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности функционирует не сам по себе, а его осу-

ществляют живые люди, которым свойственны как достоинства, так и недостатки. В этом отношении рассмотрение прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности посредством деятельности предполагает осуществление прокурорского надзора не отдельным индивидом, а прокурором как представителем коллективного органа. По этой причине не случайно в приведенной дефиниции понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности указывается на то, что он представляет собой специфическую деятельность государственных органов прокуратуры. Употребление словосочетания «деятельность государственных органов прокуратуры» как раз и предполагает осуществление прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности представителем коллективного органа, имеющего наименование «государственный орган прокуратуры».

Осуществление прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности государственным органом прокуратуры является одним из проявлений его универсальной характеристики посредством деятельности. Подобное коллективное понимание субъекта прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности имеет под собой серьезное методологическое обоснование. В своих работах 60–70-х годов прошлого столетия известный представитель методологии науки Г.П. Щедровицкий, ссылаясь на Гегеля и Маркса, убедительно доказал и обосновал положение, согласно которому «деятельность должна рассматриваться не как атрибут отдельного человека, а как исходная универсальная целостность значительно более широкая, чем сами “люди”. Не отдельные индивиды тогда создают и производят деятельность, а наоборот: она сама “захватывает” их и заставляет вести определенным образом» [6, с. 84–85].

На уровне методологии науки обращается особое внимание на то, что деятельность (в нашей ситуации мы имеем в виду прокурорскую деятельность) не является процессом. В отличие от последнего деятельность в свою структуру включает цель. «Даже блуждание в лабиринте, – пишет А.П. Попов, – имеет свою цель – выйти из лабиринта. Ариадна снабдила своего возлюбленного средством для достижения цели» [7, с. 33]. В свое время Г.П. Щедровицкий писал: «...если сказать представителям традиционных гуманитарных наук, что деятельность не есть процесс, – это значит вызвать бурю гнева и непонимания. Все привыкли к тому, что деятельность – процесс. Мы же говорим, что деятельность есть структура, состоящая из разнородных элементов» [8, с. 262].

В науке прокурорского надзора на это верно указывает Н.Н. Карпов. Он термин «прокурорская деятельность» первым ввел в оборот науки прокурорского надзора [9, с. 12–15]. В 2008 г., анализируя положения ст. 1 Закона о прокуратуре, профессор Н.Н. Карпов обоснованно пришел к выводу о целесообразности замены понятия «прокурорский надзор» на термин «прокурорская деятельность». Свой вывод профессор Н.Н. Карпов обосновывает невозможностью уложения многообразия функций, выполняемых органами прокуратуры, в рамки понятия «прокурорский надзор». По мнению Н.Н. Карпова, прокурорская деятельность представляет собой особый, осуществляемый прокуратурой вид государственной деятельности. Она носит комплексный характер и разнообразные формы, осуществляется в соответствии с нормами Конституции и федерального законодательства посредством выполнения возложенных на прокуратуру функций и направлена на обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства [10, с. 9].

Кроме деятельности (как одного из системообразующих признаков исследуемого понятия), для понимания прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений значение имеет и такой его признак, каковой является цель [11, с. 114–120]. Согласно ч. 2 ст. 1 Закона Российской Федерации от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [12] (далее – Закон о прокуратуре), целью прокурорского надзора является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. По всей видимости, в таком виде цель прокурорского надзора и мыслится авторами анализируемого нами определения понятия прокурорского надзора. Косвенным подтверждением тому является указание ими (правда, в другом издании) на цель прокурорского надзора в учебнике «Прокурорский надзор». В нем его авторы пишут: «Цели прокурорского надзора – результат, на достижение которого направлена вся деятельность прокуратуры в целом и, в частности, её важнейшая функция – прокурорский надзор. Цели прокурорского надзора определяются статусом прокуратуры, её местом и ролью в государстве. В конечном счете они определяются Конституцией РФ, Законом о прокуратуре, другим законодательством, регламентирующим деятельность прокурорских органов. Наиболее четко цели прокуратуры определены в ст. 1 Закона о прокуратуре. Пункт 2 этой статьи определяет, что целями прокуратуры являются: 1) обеспечение верховенства закона; 2) обеспечение единства и укрепления законности; 3) обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина;

4) обеспечение защиты охраняемых законом интересов общества и государства» [3, с. 18–19].

Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности включает в себя цель. В представленном виде она совпадает с законодательной целью прокурорского надзора, указанной в ч. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре. На наш взгляд, такое совпадение говорит в пользу верности методологической основы понимания прокурорского надзора потенциалом прокурорской деятельности, которое было предложено профессором Н.Н. Карповым. Само же совпадение целей прокурорского надзора и целей прокурорской деятельности является наглядной иллюстрацией стоящих перед органами прокуратуры целей, а именно: обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Сказанное в полной мере имеет отношение и к цели прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности.

Цель прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности имеет особенности. На наш взгляд, они таковы. Во-первых, цель прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности является постоянной (неизменной), при условии неизменности вышестоящей системы целей. Во-вторых, цель прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности не может рассматриваться в отрыве от иерархически упорядоченной структуры целей уголовно-процессуальной деятельности при производстве по данному виду уголовных дел. В содержательном плане они проявляются в качестве взаимосвязанной и взаимообусловленной системы целей уголовно-процессуальной деятельности при расследовании преступлений экстремистской направленности. При этом подцели или цели нижележащего уровня иерархии можно рассматривать как средства для достижения целей вышестоящего уровня. Они же (подцели) выступают в качестве цели для уровня нижестоящего по отношению к ним (свойство «двуликого Януса») [13, с. 70]. В-третьих, в постоянстве (одинаковости) цели прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности для всех прокуратур, их подразделений и прокуроров, осуществляющих прокурорский надзор по этой категории уголовных дел. С этой точки зрения особенности цели прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности представляют собой средство (способ) обеспечения согласованной деятельности всех органов прокуратуры «в направле-

нии цели» [14, с. 43]. В юридической науке ему дано наименование «метод древа целей» [15, с. 25–31].

Метод «древа целей» является действенным методом обеспечения согласованности целей прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. Частично в свернутом, а частично в развернутом виде суть метода «древа целей» представители теории управления определяют так: «Главная цель направляет качественное развитие общности, системы социальных отношений. Главная цель находится на вершине пирамиды управления. Она расчленяется на отдельные составляющие – промежуточные цели (цели-средства), от реализации которых зависит достижение главной. Промежуточные цели в свою очередь расчленяются на более частные и т.д. Так достигается максимальная конкретизация управленческой деятельности» [16, с. 581].

На вершине пирамиды прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности находятся не просто главная и генеральная цель, а стратегическая цель. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [17] (далее – Стратегия национальной безопасности 2015 г.) терминологически стратегическая цель обеспечения национальной безопасности обозначена в качестве «национальных интересов на долгосрочную перспективу». Стратегическая цель прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности является действенным средством (формой) обеспечения связей в «древе целей» нижележащих целей.

В своей взаимосвязи и взаимообусловленности стратегическая цель прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности и «древо целей» нижележащих целей представляет собой способ формирования структуры самого прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании по анализируемому виду преступлений. Это с одной стороны. С другой – метод «древа целей» обеспечивает взаимосвязь, взаимообусловленность и взаимосо согласованность множества целей различного содержания для достижения стратегической цели прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. Цель прокурорского надзора по отношению к цели прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности выступает в роли генеральной цели. В этом смысле цель прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности является нижележащей целью. А по отношению к генеральной цели прокурорского надзора выступает в

роли соответствующей задачи. В свою очередь, цель прокурорского надзора, будучи генеральной целью, обуславливается вышестоящими целями, а именно стратегическими целями национальной безопасности.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности 2015 г. текстуально стратегическая цель национальной безопасности Российской Федерации заключается: 1) в укреплении обороны страны, обеспечении незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации; 2) в укреплении национального согласия, политической и социальной стабильности, развитии демократических институтов, совершенствовании механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; 3) в повышении качества жизни, укреплении здоровья населения, обеспечении стабильного демографического развития страны; 4) в сохранении и развитии культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей; 5) в повышении конкурентоспособности национальной экономики; 6) в закреплении за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира (п. 30 Стратегии национальной безопасности 2015 г.).

Смысл специфичности прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности в качестве его системообразующего признака заключается в нижеследующем. Во-первых, в восприятии прокурорским надзором признаков всех ветвей власти (при этом он не относится ни к одной из них). «*Специфичность* прокурорского надзора, – пишут специалисты по прокурорскому надзору, – как вида государственной деятельности состоит в том, что он не относится к деятельности какой-то ветви власти (представительной, исполнительной, судебной), но в то же время имеет признаки каждой из этих ветвей» [3, с. 13]. Сказанное в полной мере имеет отношение и к той части прокурорского надзора, которая имеет наименование «прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности».

Во-вторых, специфичность прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности заключается еще и в том, что он является формой реализации государственной власти. На это обстоятельство в науке прокурорского надзора указывает Н.Н. Карпов. По его мнению, прокуратуру Российской Федерации в силу её особого конституционно-правового статуса следует позиционировать «как одну из подсистем государственной власти Российской Федерации» [18, с. 8].

В-третьих, специфичность прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности заключается в его обусловленности системой принципов уголовного судопроизводства и целями производства по уголовным делам экстремистской направленности. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности осуществляется прокурором как участником уголовного процесса. В главе 6 УПК РФ он указан в числе участников уголовного процесса со стороны обвинения. В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Таким образом, прокурор, осуществляя надзор за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности, вступает в уголовно-процессуальные отношения, реализует функцию обвинения и имеет отличный от других участников уголовного процесса процессуальный статус, проявляемый в виде полномочий прокурора, указанных в ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

В-четвертых, специфичность прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности определяется его местом в иерархии (структуре) российского уголовного судопроизводства. Прокурорский надзор, будучи одним из общих условий досудебного производства, по отношению к самому досудебному производству выполняет вспомогательную (подсобную) функцию, поскольку его механизмы непосредственно не направлены на достижение главной цели производства по уголовному делу о преступлении экстремистской направленности. В этом смысле по своему статусу и предназначению цель прокурорского надзора при расследовании преступлений экстремистской направленности является одной из задач не только относительно главной цели уголовного процесса, но и цели досудебного производства по анализируемым преступлениям.

В-пятых, специфичность прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности заключается в уголовно-правовых особенностях самих преступлений данного вида. В настоящей работе мы разделяем законодательный подход к пониманию преступлений экстремистской направленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапов П.В., Борисов С.В., Васнецова А.С. и др. Экстремизм: стратегия противодействия и прокурорский надзор: монография / рук. авт. кол. П.В. Агапов; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2016. С. 354–364.
2. Винокуров Ю.Е. и др. Прокурорский надзор: учебник / под общ. ред. Ю.Е. Винокурова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 9.
3. Воронин О.В. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учеб. пособие. Томск: Изд-во НТЛ, 2008. 428 с.
4. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1975. С. 272.
5. Гуляхин В.Н. Логико-философский анализ некоторых проблем теории деятельности // Вестник ВолГУ. Сер. 7. 2003–2004. Вып. 3. С. 23.
6. Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании. М., 1975. С. 84–85.
7. Попов А.П. Целеполагание в современном отечественном уголовном судопроизводстве. Пятигорск, 2005. С. 33.
8. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология / ред.-сост. А.А. Пископель, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий. М., 1997. С. 262.
9. Карпов Н.Н. Хорошая теория – залог успешной практики // Законность. 2008. № 7. С. 12–15.
10. Карпов Н.Н. Прокуратура: надзор или деятельность? // Законность. 2014. № 8. С. 9.
11. Агутин А.В. Социокультурные основания прокурорской деятельности // Уголовная юстиция. 2016. № 1(7). С. 114–120.
12. Закон Российской Федерации от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД и Верховного Совета РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
13. Волкова В.Н., Денисов А.А. Основы теории систем и системного анализа. СПб., 1997. С. 70.
14. Кливер И.Я. Организационно-правовые основы управления прокурорским надзором в СССР. М., 1991. С. 43.
15. Агутин А.В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 25–31.
16. Теория управления: социально-технологический подход. Энциклоп. словарь / под ред. В.Н. Иванова, В.И. Патрушева. М., 2004. С. 581.
17. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
18. Карпов Н.Н. К вопросу о правовом статусе прокуратуры Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 2 (46). С. 8.

ON THE PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE EXECUTION OF LAWS IN THE INVESTIGATION OF EXTREMIST CRIMES

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 2(8), 116–123. DOI 10.17223/23088451/8/18

Aleksandr V. Agutin, Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: agutin.av@ya.ru

Keywords: prosecutor's supervision, investigation, extremist crimes, system-forming features, goals, strategy, national security.

The specificity of prosecutor's supervision over the execution of laws in the investigation of extremist crimes as its system-forming feature means the following. First, the prosecutor's supervision has the signs of all branches of power (without belonging to any of them). The specialists on prosecutor's supervision believe, that “the specificity of prosecutor's supervision as of a form of state activity is that it does not belong to any branch of government (representative, executive, or judicial), yet it has the characteristics of each of them” [3. 13]. This fully refers to the part of the prosecutor's supervision “over the execution of laws in the investigation of extremist crimes”. Second, the specificity of prosecutor's supervision over the execution of laws in the investigation of extremist crimes is a form of realisation of state power, as it is emphasised by N.N. Karpov, in whose opinion his the Prosecutor's Office of the Russian Federation, due to its special constitutional and legal status, should be positioned “as one of the subsystems of the state power in the Russian Federation” [18. 8]. Third, the specificity of prosecutorial supervision over the execution of laws in the investigation of extremist crimes lies in its being conditioned by the system of criminal justice principles and the objectives of criminal proceedings in cases connected with extremism. The prosecutor's supervision over the execution of laws in the investigation of extremist crimes is carried out by the prosecutor as a party to the criminal proceedings. In Chapter 6 of the Code of Criminal Procedure, the prosecutor is listed among the participants in the criminal proceedings on the part of the prosecution. Under Part 1 of Article 37 of the Code of Criminal Procedure, the prosecutor is an official authorised within the competence provided for by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation to carry out criminal prosecution on behalf of the state in the course of criminal proceedings, as well as supervise over the procedural activities of the bodies of inquiry and preliminary investigation. Thus, the prosecutor, while overseeing the execution of laws in the investigation of extremist crimes, enters the criminal proceedings, implements the prosecution function and has a procedural status different from those of the other participants in the criminal process and manifested in the form of the prosecutor's powers specified in Article 37 (2) of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Fourth, the specificity of prosecutor's supervision over the execution of laws in the investigation of extremist crimes is determined by its place in the hierarchy (structure) of Russian criminal justice. Prosecutor's supervision, as a general condition of pre-trial proceedings, performs an auxiliary function in relation to the most pre-trial production, since its mechanisms are not directly aimed at achieving the main goal of production in the case of an extremist crime. In this sense, by its status and purpose, the goal of the prosecutor's supervision in the investigation of extremist crimes is a tasks not only with respect to the main purpose of the criminal process, but also to the purpose of pre-trial proceedings on the crimes under analysis. Fifth, the specificity of prosecutorial supervision over the execution of laws in the investigation of extremist crimes lies in the criminal features of the crimes themselves. The author shares the legislative approach to understanding extremist crimes.

REFERENCES

1. Agapov, P.V., Borisov, S.V., Vasnetsova, A.S. et al. (2016) *Ekstremizm: strategiya protivodeystviya i prokurorskiy nadzor* [Extremism: strategy of counteraction and prosecutor's supervision]. Moscow: Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. pp. 354–364.
2. Vinokurov, Yu.E. (ed.) (2006) *Prokurorskiy nadzor* [Prosecutor's supervision]. 6th ed. Moscow: Vysshee obrazovanie. pp. 9.
3. Vinokurov, Yu.E. (ed.) (2010) *Prokurorskiy nadzor* [Prosecutor's supervision]. 9th ed. Moscow: Yurait. pp. 12–13.
4. Udin, E.G. (1975) *Sistemnyy podkhod i printsip deyatel'nosti* [The system approach and principle of activity]. Moscow: Nauka. pp. 272.
5. Gulyaikhin, V.N. (2003–2004) Logiko-filosofskiy analiz nekotorykh problem teorii deyatel'nosti [The logic and philosophical analysis of some problems of the theory of activity]. *Vestnik VolGU. Seriya 7. 3.* pp. 23.
6. Shchedrovitskiy, G.P. (1975) Iskhodnye predstavleniya i kategorial'nye sredstva deyatel'nosti [Initial representations and categorical means of activity]. In: *Razrabotka i vnedrenie avtomatizirovannykh sistem v proektirovanii* [Development and introduction of the automated systems in designing]. Moscow: Stroyizdat. pp. 84–85.
7. Popov, A.P. (2005) *Tselepolaganie v sovremennom otechestvennom ugolovnom sudoproizvodstve* [Purpose in modern domestic criminal justice]. Pyatigorsk: RIA-KMV. pp. 33.
8. Shchedrovitskiy, G.P. (1997) *Filosofiya. Nauka. Metodologiya* [Philosophy. Science. Methodology]. Moscow: Shkola kul'turnoy politiki. pp. 262.
9. Karpov, N.N. (2008) Khoroshaya teoriya – zalog uspekhnoy praktiki [A good theory is the key to successful practice]. *Zakonnost'*. 7. pp. 12–15.
10. Karpov, N.N. (2014) Prokuratura: nadzor ili deyatel'nost'? [Prosecutor's Office: Supervision or activity?]. *Zakonnost'*. 8. pp. 9.
11. Agutin, A.V. (2016) Socio-cultural foundations of the prosecutor's activities. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 1(7). pp. 114–120. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/7/18
12. Russian Federation. (1992) *Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 17.01.1992 № 2202-1 “O prokurature Rossiyskoy Federatsii”* [Law No. 2202-1 of the Russian Federation of January 17, 1992, On the Prosecutor's Office of the Russian Federation]. *Vedomosti SND i Verkhovnogo Soveta RF – Gazette of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the Russian Federation*. 8. Art. 366.
13. Volkova, V.N. & Denisov, A.A. (1997) *Osnovy teorii sistem i sistemnogo analiza* [Fundamentals of the theory of systems and systems analysis]. St. Petersburg: St. Petersburg State Technical University. pp. 70.

14. Kliver, I.Ya. (1991) *Organizatsionno-pravovye osnovy upravleniya prokurorskim nadzorom v SSSR* [Organizational and legal framework for the management of prosecutorial supervision in the USSR]. Moscow: [s.n.]. pp. 43.
15. Agutin, A.V. (2005) *Mirovozzrencheskie idei v ugolovno-protsessual'nom dokazyvanii* [Ideology in criminal procedural proving]. Abstract of Law Dr. Diss. N. Novgorod. pp. 25–31.
16. Ivanov, V.N. & Patrushev, V.I. (eds) (2004) *Teoriya upravleniya: sotsial'no-tekhnologicheskii podkhod* [Theory of management: The socio-technological approach]. Moscow: Munits. mir. pp. 581.
17. Russian Federation. (2015) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 31 dekabrya 2015 goda № 683 "O strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii"* [Decree of the President of the Russian Federation No. 683 of December 31, 2015, On the National Security Strategy of the Russian Federation].
18. Karpov, N.N. (2015) K voprosu o pravovom statuse prokuratury Rossiyskoy Federatsii [On the legal status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 2(46). pp. 8.